

ПУШКИН О ПЕТРЕ I

Б. Б. КАФЕНГАУЗ

А. С. Пушкин относился к эпохе Петра I и к его личности с исключительным интересом. Петровская эпоха занимала его как поэта и как историка. Он изображал события того времени не только как художник, но и дал свое понимание или концепцию реформ Петра. Изображению Петра I посвящен ряд художественных произведений А. С. Пушкина, а к концу жизни поэт был занят подготовкой исторической монографии о Петре, для которой изучал архивные материалы.

Советские литературоведы много сделали для понимания творчества Пушкина в целом, а также для изучения отдельных произведений, посвященных Петру I. Однако следует поставить вопрос, можно ли говорить о существовании у Пушкина цельной концепции эпохи Петра I или же его отношение к личности Петра I и к событиям его времени выразилось только в разрозненных, отдельных, нередко противоречивых суждениях. В этом смысле высказался в дореволюционном литературоведении акад. И. Н. Жданов в написанной в 1900 г. статье «Пушкин о Петре Великом»¹.

Между тем противоречия в высказываниях А. С. Пушкина лишь кажущиеся. Задача настоящей статьи — проследить концепцию Пушкина в отношении эпохи Петра.

Задачу эту нельзя признать простой или легкой. Пушкин обладал исключительной способностью видеть и изображать события и лица во всей их сложности и многогранности. Его собственное отношение к изображаемому нельзя выразить одной формулой, читатель должен охватить все стороны его отношения к событиям того времени, подчас противоречивые, для того, чтобы представить воззрения Пушкина в целом.

Поэтому для освещения взглядов Пушкина на личность и деятельность Петра надо последовательно остановиться на его художественных и исторических произведениях и на заметках поэта, относящихся к этой теме. В настоящей статье я не буду подвергать их подробному литературоведческому разбору, а останавлиюсь лишь на основной мысли каждого труда, посвященного Петру.

Наиболее ранним художественным произведением, изображающим Петра и его время, является стихотворение «Стансы», написанное в декабре 1826 г. Оно носит характер программы прогрессивной политики, примером которой А. С. Пушкин приводит реформы Петра I. Поэт обращается к Николаю I со словами: «во всем будь прашуру подобен» и делает намек на желательность прощения декабристов. В связи с общим характером стихотворения Петр I рисуется только с положительной стороны. Петр «правдою привлек сердца», «смело сеял просвещение», он назван академиком, героем, мореплавателем и плотником, «на троне вечный был работник». Здесь Петр I — идеальный монарх, пример для

¹ И. Н. Жданов. Соч., т. II, СПб., 1907, стр. 249 и сл.

настоящего и будущего. То же самое высказано Пушкиным 10 лет спустя в стихотворении «Пир Петра I», написанном в 1835 г. Петр здесь также изображен в качестве примера правительству Николая I, и при этом также сделан намек на необходимость примирения правительства с декабристами. О Петре I говорится, что «он с подданными мирится, виноватому вину отпуская, веселится». Но, конечно, нельзя сказать, что в этом стихотворении полностью отразились взгляды Пушкина на петровскую эпоху.

Но много раньше, в 1822 г., в опубликованных только после смерти Пушкина «Заметках по русской истории XVIII в.», им высказаны мысли, развитые более полно в последующих произведениях (насколько это допускалось цензурными условиями). Во-первых, в «Заметках» указано, что петровская эпоха это — разрыв со стариной, переворот, прервавший прежний ход развития, и, во-вторых, высказана мысль о «самовластии», т. е. о самодержавии или тирании Петра I. Пушкин писал: «После смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки...». Здесь же Петр I сравнивается с Наполеоном, что также впоследствии повторено Пушкиным: «Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон». К этим словам Пушкин сделал примечание: «История представляет около его всеобщее рабство. Указ, разорванный кн. Долгоруким, и письмо с берегов Прута приносят великую честь необыкновенной душе самовластного государя; впрочем, все состояния, скованные без разбора, были равны перед его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось»². Поэт отмечает, что Петр порывал со стариной и при этом действовал насильственно. В заметках следующего, 1823 г., Пушкин пишет: «Только революционная голова, подобная Мирабо и Петру, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык»³.

Представление о времени Петра I как о революционной эпохе, как о перевороте, резко порвавшем с древнерусской стариной, содержится также в более поздних высказываниях Пушкина, именно в его произведениях 1830 гг. Взгляд на реформы Петра I как на переворот или на революцию сверху был весьма распространен. В известной мере он был свойствен Н. М. Карамзину, так же смотрели на петровскую эпоху славянофилы и западники, хотя первые осуждали за это Петра I, а вторые приветствовали. А. И. Герцен называл Петра «коронованным революционером». С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» также сравнивал время Петра I с Французской революцией. Однако позднее в своих «Публичных чтениях о Петре Великом» (1872 г.) Соловьев отказался от этого взгляда. С этого времени, напротив, буржуазные историки подчеркивали подготовленность петровских реформ предшествующим развитием, их связь с XVII в. Они отказались видеть в этих реформах резкий разрыв со стариной и справедливо не применяли в отношении петровских преобразований термины «революция» или «переворот».

Следующим после «Стансов» художественным произведением, изображающим время Петра I, является повесть «Арап Петра Великого» (1827 г.), оставшаяся, однако, неоконченной, что затрудняет ее анализ.

Интерес к своему предку Абраму Ганибалу Пушкин проявлял и раньше. К 1824 г. относится небольшое стихотворение «Как жениться задумал царский арап», являющееся черновым наброском в духе народных песен. Повесть «Арап Петра Великого» в отрывках была опубликована в 1829, 1830 и 1834 гг. Полностью повесть появилась в печати лишь после смерти поэта.

² А. С. Пушкин. Соч. в 10 томах. т. VIII, изд. АН СССР, стр. 122.

³ Там же, т. VII, стр. 519.

В ней выражено положительное отношение поэта к личности Петра, одобрение его деятельности, вместе с тем отмечены черты, указанные в приведенных выше «Заметках». Петр идет против старины, действует необычно, выступает против боярства и при этом добивается своей цели насильственными средствами, действует «дубинкою». Здесь подчеркнуты энергия царя, простота в обращении с людьми, доступность, бережливость. Петр I изображен как «просвещенный монарх». В повести говорится о его трудолюбии и разнообразии занятий, сочетании государственных дел с физическим трудом. Интересно сравнение у Пушкина петровской эпохи с мастерскою («мастеровою»): «Россия представлялась Ибрагиму огромною мастерскою, где движутся одни машины, где каждый работник, подчиненный порядку, занят своим делом»⁴. Петр выезжает на заре, чтобы встретить своего крестника — арапа, возвращающегося из-за границы. Он осуждает мотовство Корсакова, явившегося на ассамблею в роскошном костюме, тогда как сам Петр носит матросскую куртку.

Вместе с тем Петр нарушает старину и заставляет боярина Ржевского выдать дочь замуж за арапа. Петр действует насильственно по отношению к знати. Замысел Пушкина становится понятным по мере развертывания действия повести. Он отошел от образа идеального монарха, в особенности в последних главах этого произведения, где изображена печальная судьба боярышни Наташи Ржевской. Петр изображен здесь как не знающий преград самодержавный монарх, как деспот, вмешивающийся в частную жизнь своих подданных. При изображении сватовства Петра I, принуждения Наташи и ее отца симпатии автора, по-видимому, на стороне последних. Повесть об арапе Ибрагиме глубоко трагична, по воле Петра оказались несчастными Наталья, Валерьян и сам Ибрагим. Если иметь в виду последние главы повести, то ход мыслей Пушкина, по-видимому, был таков: Петр I — просвещенный монарх, преобразователь, направивший жизнь страны по прогрессивному пути, вместе с тем он был деспотом, ломавшим жизнь людей. Не случайно эпиграфом к этому произведению Пушкин взял стихи Языкова:

«Железной волею Петра

Преображенная Россия».

Железная воля или как позднее в «материалах» о Петре I Пушкин скажет, «железная душа» Петра I — это насилие, самодержавие, не только преобразовавшее страну, но и губившее отдельных людей. Здесь уже налицо то противопоставление общего и частного, государственного и личного, которое найдет затем столь яркое выражение в поэме «Медный всадник».

Источники, которыми пользовался А. С. Пушкин при работе над «Арапом Петра Великого», указаны самим поэтом. К отрывку из третьей главы, напечатанному Пушкиным в 1830 г., он сделал примечание: «См. Голикова и Русскую Старину». И. И. Голикову принадлежат 30-томные «Деяния Петра Великого» и «Дополнения» к ним, которые являются в основном собранием писем и указов Петра I, но вместе с тем Голиков дал и свое понимание эпохи и личности Петра I. Он выделяет такие его черты, как «трудолюбие», «бережливость» и т. п. Голиков восторгается Петром — великим полководцем и политическим деятелем, называет его «ироем». Никаких отрицательных черт в деятельности и личности Петра он не видит. Он критикует иностранных писателей, особенно Вольтера, за недостаточное, по мнению поэта, восхваление Петра⁵.

Другой источник, указанный Пушкиным в примечании к «Арапу» — «Русская старина», является альманахом, содержащим статьи декабриста А. О. Корниловича и В. Д. Сухорукова (1824 г.) о времени Петра. Корниловичу принадлежит ряд статей по истории быта петровской

⁴ А. С. Пушкин. Соч., т. VI, стр. 25.

⁵ «История исторической науки в СССР», т. 1, М., 1957, стр. 217.

эпохи — об ассамблеях и т. п., которые помогли Пушкину с такой яркостью изобразить жизнь Петербурга и ассамблею. В этих статьях также выражено восторженное отношение к деятельности и личности Петра I. Впоследствии в Петропавловской крепости А. О. Корнилович написал повесть об эпохе Петра I, изданную без подписи автора в 1832 г. Как в этой повести, так и в своих письмах к брату из крепости Корнилович высказывал исключительно положительное отношение к Петру, о котором он говорил, что недостатки его «не более как пятна на солнце»⁶. По сравнению с этими лишь положительными отзывами о Петре I отношение к нему Пушкина отличается значительной сложностью.

В написанной год спустя после «Арапа» поэме «Полтава» Петр I рисуется как великий полководец. «Полтава» может быть названа апофеозом Петра. В момент сражения Петр «могущ и радостен как бой», и «горд и ясен и славы полон взор его». Он — «герой Полтавы»⁷.

Но Пушкин не останавливается лишь на прославлении Петра как победителя на полтавском поле. Петру противопоставлен Мазепа-изменник. Жертвы Мазепы — Кочубей и Искра, дочь и жена Кочубея. В их гибели повинен не только старый гетман, но также и Петр, отдавший их на расправу Мазепе. Кочубей накануне казни в темнице сокрушенно думает:

...Но боже правый!

...Царем быть отдану во власть

Врагу царя на поруганье.

В «Полтаве», таким образом, образ Петра двоятся, великий полководец мог бы предупредить измену Мазепы и гибель Кочубея, если бы выслушал его, если бы не отдал на расправу гетману.

Исключительный интерес Пушкина к петровской теме особенно проявился в 30-х годах, когда создана была поэма «Медный Всадник» и подготавливалась монография о Петре I, оставшаяся незаконченной. В прозаических набросках этого времени Пушкин неоднократно возвращается к мысли о времени Петра как о революции или «крутом перевороте». В заметке 1831 г. «о дворянстве» он писал (по-французски) о падении дворянства в связи с указом Петра 1714 г. о рангах и при этом отмечал: «Средства, которыми достигается революция, недостаточны для ее закрепления. Петр I — одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции)»⁸. К 1831 г. относится начало работы Пушкина над монографией о Петре I. Интерес к этой эпохе отразился также в «Начале автобиографии», написанной в 1834 г., где поэт снова обратился к истории своего предка, арапа Ибрагима⁹.

В особенности привлекают внимание высказывания о Петре I в статье под названием «О ничтожестве литературы русской» (1834 г.). Статья эта не была напечатана при жизни Пушкина. В ней он повторил мысль о революционном характере деятельности Петра. О положительном отношении поэта к петровским реформам свидетельствуют также сравнение петровской эпохи с мастерской и указание на созидательный, а не только разрушительный характер деятельности Петра. Пушкин здесь говорит: «Россия вошла в Европу как спущенный корабль — при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и благотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы»¹⁰.

⁶ А. О. Корнилович. Соч. и письма, М., 1958.

⁷ А. Н. Соколов. Полтава Пушкина и Петриды. «Пушкинский временник», № 4—5, М.—Л., 1939; Н. В. Измайлов. К вопросу об исторических источниках Полтавы (там же).

⁸ А. С. Пушкин. Соч., т. VII, стр. 536—537, 751.

⁹ Там же, т. VIII, стр. 76.

¹⁰ Там же, т. VII, стр. 648—649

Оценка эпохи Петра I как насильственного и революционного переворота сделана Пушкиным в той же статье в следующих словах (в ранней редакции этой статьи): «Крутой переворот, произведенный мощным самодержавием Петра, ниспровергнул все старое, и европейское влияние разлилось по всей России... Даже меры революционные, предпринятые им по необходимости, в минуту преобразования, и которые не успел он отменить, надолго еще возымели силу закона»¹¹. Надо, разумеется, иметь в виду, что Пушкин употреблял термин «революция» в смысле насильственного разрыва со стариной и включил в это понятие меры Петра, затрагивавшие знать. Он не вкладывал в него единственно правильное представления о революции как о выступлении народных масс за коренное изменение социального и политического строя.

Тщательное изучение Пушкиным петровской эпохи для подготавливаемой монографии о ней начинается с 1831 г. В сентябре 1831 г. он писал П. В. Нащокину, что царь «дал мне жалованья и позволил рыться в архивах для составления Истории Петра I». Об этом же Пушкин писал Д. Блудову в январе 1832 г. В феврале этого года он получил по распоряжению Николая I «Полное собрание законов», содержащее также законодательство времени Петра I. Поэт хотел привлечь к работе над монографией историка М. Погодина. В мае 1834 г. Пушкин говорил в письме к жене о ходе занятий над историей Петра: «Работа идет помаленьку, скопляю материалы, привожу в порядок»¹².

Подготовка «Истории Петра Великого» была прервана смертью поэта. Несмотря на предварительный, черновой характер, эти материалы содержат наряду со сводкой фактических данных также отдельные вполне отработанные страницы, которые, вероятно, должны были войти в окончательный текст. Это хорошо выяснил И. Л. Фейнберг в своей книге о незавершенных работах Пушкина¹³. Поэт дает здесь также сложную и двойственную характеристику Петра I.

Основная часть «Материалов» Пушкина представляет последовательное изложение событий петровского царствования, в отдельных местах сопровождаемое собственными замечаниями и оценками Пушкина. Он подчеркивает здесь большое прогрессивное значение военной и дипломатической деятельности Петра и его преобразований. Останавливаясь на событиях Северной войны, Пушкин говорит, что «Петр предчувствовал уже румянцевскую стратегию» и одну из его инструкций русским послам он называет шедевром «дипломатии и благоразумия»¹⁴.

Вместе с тем он называет его «странным монархом» (имея в виду его женитьбу на Екатерине I), отмечает несдержанность и жестокость Петра. После стрелецкого бунта 1698 г., когда начались казни, «Лефорст старался укротить рассвирепевшего царя». Говоря о казни царевича Алексея, Пушкин отметил, что смерть его «сломила, наконец, железную душу Петра»¹⁵. Ряд мероприятий Петра Пушкин называет варварскими и тиранскими. Указ о вызове дворян на смотр 11 января 1721 г., сопровождавшийся угрозами наказания и штрафов, Пушкин считает указом «превосходящим варварством все прежние». В другом указе он отмечает «закорючки своевольства и варварства»¹⁶. Здесь проступает известная ограниченность взглядов Пушкина. Он больше замечает «тиранство» в отношении дворянства. «Тиранскими» Пушкин называет указ, поощрявший доносы на помещиков, укрывавшихся от службы, указ о запрещении каменного строения во всем государстве «под страхом конфискации и ссылки». Также «тиранскими» названы распоряжение об обязательном выезде жителей Петербурга по воскресеньям в

¹¹ А. С. Пушкин. Соч., т. VII, стр. 307—308.

¹² Там же, т. X, стр. 379, 402, 486, 510, 511.

¹³ И. Л. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина, изд. 2, М., 1958.

¹⁴ А. С. Пушкин. Соч., т. IX, стр. 171, 252.

¹⁵ Там же, стр. 74, 412, 458.

¹⁶ Там же, стр. 415, 418.

лодках на Неву, а также запрещение под страхом смертной казни «писать запершись». Относительно указа об описи хлеба при неурожайе Пушкин заметил «опять тиранство нестерпимое»¹⁷. Пушкина возмущала не только жестокость наказания, но и вмешательство власти в частную жизнь. Наконец, Петр «уничтожил всякую законность в порядке наследства царской власти и отдал престол на произволение самодержца»¹⁸. Ряд замечаний критического характера касаются отношения царя к церкви, Пушкин даже называет Петра «протестантом», т. е. отклонившимся от православия, сочувствовавшим протестантизму.

Большое внимание Пушкин уделял отношению народа к Петру и его преобразованиям. Первое путешествие Петра за границу вызвало в народе «общий ужас и негодование», относительно перемены летосчисления «народ, однако, роптал». При учреждении Монастырского приказа и устройстве богаделен в монастырях «ропот ужасно усилился» и т. п. Вместе с тем Пушкин подчеркивает популярность военных успехов, Полтавская победа вызвала ликование «наконец с ним примиренного народа»¹⁹.

Мысль о сложности и двойственном характере деятельности Петра Пушкин выразил в следующей сжатой формуле: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, свое нравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности или по крайней мере для будущего — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика». Какое значение Пушкин придавал этой сложной характеристике Петра видно из того, что он сопроводил ее замечанием: «Это внести в Историю Петра, обдумав»²⁰. И. Л. Фейнберг справедливо видит в этих словах основную мысль Пушкина²¹.

В неотосланном письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 г., после выхода его знаменитого «Философического письма», Пушкин писал, что он «не хотел бы иметь другую историю, кроме истории наших предков», и при этом заметил: «А Петр Великий, который один есть целая всемирная история!»²².

Таким образом, Пушкин видел в петровской эпохе крутой, революционный переворот, рассматривал преобразования как глубоко прогрессивное явление, выделяя военные успехи, строительство флота, основание новой столицы, распространение просвещения. Он ставил Петра в пример правительству Николая I («Стансы» и др.). Наряду с этим Пушкин подчеркивал самодержавие Петра, деспотизм, жестокость.

✓ «Материалы» к истории Петра I так же как отмеченные выше высказывания Пушкина в его заметках и в ряде художественных произведений, помогают понять замысел поэмы «Медный Всадник». Эта поэма была написана в 1833 г. и является одной из вершин творчества Пушкина. Уже В. Г. Белинский отметил философскую мысль, скрытую в этом произведении. Поэма освещает не только тему о Медном Всаднике, т. е. о Петре I, но и имеет непосредственное отношение к политической истории России и к современной поэту действительности. Белинский назвал эту поэму «апофеозой Петра Великого» и отметил, что в ней выражена мысль о «торжестве общего над частным», об «исторической необходимости». «Мы понимаем смущенною душою, что не произвол, а разумная воля олицетворены в этом Медном всаднике... И смиренным сердцем признаем мы торжество общего над частным, не отказываясь от нашего сочувствия к страданию этого частного... сознаем, что этот

¹⁷ А. С. Пушкин. Соч., т. IX, стр. 326, 338, 348, 396, 401, 441.

¹⁸ Там же, стр. 415.

¹⁹ Там же, стр. 86, 104, 230.

²⁰ Там же, стр. 143.

²¹ И. Л. Фейнберг. Указ. соч., стр. 55.

²² А. С. Пушкин. Соч., т. X, стр. 867.

бронзовый гигант не мог уберечь участи индивидуальности, обеспечивая участь народа и государства, что за него историческая необходимость»²³.

Во вступлении к «Медному Всаднику» Пушкин изображает Петра как мудрого государственного деятеля, строителя нового города, который должен стать «окном в Европу». Дело Петра, как и созданный им город, навеки связаны с Россией; поэт прославляет Петербург:

«Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия».

Вступление вполне соответствует определению Белинского, это «апофеоз» Петра и его преобразований.

Наводнение, изображенное в первой части поэмы, рисуется как мятеж стихий, поэт сравнивает их с живым существом. Нева, «как зверь остервенясь, на город бросилась». Картина разбушевавшейся стихии напоминает Пушкину восстание или нападение вражеских сил:

«Осада! приступ! злые волны
Как воры лезут в окна...
...Народ
Зрит божий гнев и казни ждет».

В сознании героя поэмы Евгения памятник Петру отождествляется с разгулом стихий, с наводнением:

«Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне».

В этом сочетании образа Петра и наводнения можно видеть намек на насильственный и «революционный» характер петровских преобразований. Петр назван тем, «чьей волей роковой над морем город основался», его царствование сравнивается с «уздой железной», поднявшей Россию на дыбы:

«Ужасен он в окрестной мгле!
...не так ли ты над самой бездной
На высоте уздой железной
Россию поднял на дыбы».

Поэма содержит и апофеоз Петра-преобразователя и осуждение его за гибель Евгения. В поэме два героя (Петр и Евгений), две оценки — оправдание и осуждение. Мысли, высказанные здесь, близки к идее «Истории Петра». Здесь отражены раздумья поэта об общем и частном, государственности и отдельной личности, о самодержавии и его жертвах.

Сложный и двойственный характер отношения Пушкина к Петру в этой поэме выявляется также при сопоставлении ее со стихотворением А. Мицкевича «Памятник Петру Великому». В примечании к «Медному Всаднику» Пушкин заметил: «Смотри описание памятника в Мицкевиче». Литературоведы, польские и русские, справедливо видят в «Медном Всаднике» ответ Пушкина великому польскому поэту²⁴. Мицкевич рассказывает, как вместе с Пушкиным он стоял перед памятником Петру в Петербурге, и вкладывает в уста русского поэта резкую характеристику Петра, которую, конечно, следует приписать не столько Пушкину, сколько самому Мицкевичу. Петр здесь назван «медным кнутодержцем в римской тоге». Памятник ему противопоставляется знаменитой статуе Марка Аврелия в Риме. Римский император рисуется польским поэтом как олицетворение добра. Он «дорог народам», «при нем

²³ В. Г. Белинский. Собр. соч. в 3-х томах, т. III, М., 1948, стр. 608.

²⁴ В. Брюсов. Избр. соч., т. II, М., 1955, стр. 440.

доносчики хирели», он полон «мысли о счастье родины». Петр не таков, «видно, истоптал он всю страну», памятник ему назван «глыбой тирании»²⁵.

Пушкин ответил Мицкевичу в «Медном Всаднике». Указав на деспотизм Петра, он вместе с тем подчеркнул созидательный, творческий и прогрессивный характер его преобразований. Понимание петровской эпохи более сложное и положительное противопоставлено Пушкиным приписываемой ему Мицкевичем резко отрицательной оценке Петра.

Подготавливая «Историю Петра» и, в особенности, создавая грандиозные образы «Медного Всадника», Пушкин не мог пройти мимо взглядов на Петра I Н. М. Карамзина. Литературоведы говорят об отношениях Пушкина к Карамзину главным образом при анализе трагедии Пушкина «Борис Годунов» и при этом ограничиваются сопоставлением с «Историей государства Российского» Карамзина. Между тем Пушкин хотел напечатать в своем журнале «Современник» отрывки из «Записки о древней и новой России» Н. М. Карамзина²⁶. В этой «Записке», поднесенной Карамзиным Александру I в 1811 г., он дал обзор русской истории с реакционных позиций для обоснования незыблемости самодержавия и крепостничества. «Записка» была направлена против «либерального» курса этих лет, осуществлявшегося Сперанским. Значительное место в «Записке» отведено рассмотрению петровского царствования²⁷. Читая эти страницы Карамзина, нельзя не признать, что Пушкин отлично знал их, соглашался с одним и отвергал другое, полемизировал со взглядами крупнейшего дворянского историка.

Но было бы неточно сказать, что Карамзин был только противником петровских преобразований, его отношение к ним более сложно, он признавал две стороны их, одну называл «блестящей», другую — «вредной». Историк считал целью Петра «не только новое величие России, но и совершенное присвоение обычаев европейских... Потомство воздало усердную хвалу сему бессмертному государю и личным его достоинствам и славным подвигам. Он имел великодушие, проицание, волю непоколебимую, деятельность, неутомимость редкую: исправил, умножил войско, одержал блестящую победу над врагом искусным и мужественным; завоевал Ливонию, сотворил флот, основал гавани, издал многие законы мудрые, привел в лучшее состояние торговлю, рудокопни, завел мануфактуры, училища, Академию, наконец поставил Россию на знаменитую степень в политической системе Европы. Говоря о превосходных его дарованиях, забудем ли почти важнейшее для самодержцев дарование: употреблять людей по их способностям... Чтобы избрать надобно угадывать; угадывают же людей только великие люди — и слуги Петровы удивительным образом помогали ему на ратном поле, в Сенате, в кабинете».

Не только указание на положительные стороны деятельности Петра сближает точку зрения Пушкина с высказываниями Карамзина. Пушкин, как и Карамзин, отмечал способность Петра угадывать и подбирать себе даровитых помощников. Он говорит об этом в заметках под названием «Исторические анекдоты», где приводит ряд примеров проицательности Петра²⁸.

В то же время Пушкин, исходя также из сложного представления о петровском времени, расходится с Карамзиным в весьма существенных вопросах. Карамзин считал, что преобразования являлись резким разрывом со стариной, переворотом, в его изложении они приближаются к «революции сверху», за что он осуждает Петра.

²⁵ См. перевод «Памятника Петру Великому» А. Мицкевича П. Антокольского («Новый мир», 1941, № 1, стр. 114—115).

²⁶ А. С. Пушкин. Соч., т. VII, стр. 373, 528, 717.

²⁷ Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России, СПб., 1914, стр. 22—32.

²⁸ А. С. Пушкин. Соч., т. VIII, стр. 91.

Пушкин, конечно, не мог согласиться с осуждением Карамзиным европеизации страны, так же как и с отрицательным отношением историка к переносу столицы из Москвы в Петербург «в зыби болотные», который Карамзин считал «блестящей ошибкой Петра Великого».

Надо признать, что Пушкин прямо полемизирует в «Медном Всаднике» с Карамзиным, не называя его. В ответ на указание Карамзина о ненужности построения новой столицы на краю государства, среди болот, песков и сосновых лесов, Пушкин создает свой гимн Петербургу в вступлении к «Медному Всаднику».

«Прошло сто лет, и новый град
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво».

То, что Карамзин считал ошибкой, Пушкин признает заслугой Петра — создание города среди лесов и болот, — употребляя при этом почти те же выражения.

Карамзин видел проявление «самовластия» Петра в унижении боярства и в упадке духовенства. Пушкин в материалах к «Истории Петра» также неоднократно указывает на жестокие меры, направленные против дворянства. Но и в этом отношении Пушкин ведет полемику с Карамзиным, в «Медном Всаднике» он подчеркивает другое — самодержавие Петра явилось причиной гибели маленького чиновника Евгения и его невесты Параша. Самовластье Петра ударило по народным массам.

Таким образом, в «Медном Всаднике» Пушкин учитывал высказывания Карамзина в его «Записке» и, вместе с тем, полемизировал с ним, расходясь в том, что надо считать «блестящей» и что «вредной» стороной царствования Петра.

Следует признать заслугой советских историков литературы выяснение связи образов Пушкина с произведениями Радищева и его судьбой, хотя и в этом отношении можно продолжить то, что намечено в специальной литературе.

Разойдясь с Карамзиным, Пушкин, напротив, приблизился к взглядам великого революционера XVIII в. А. Н. Радищева на петровскую эпоху. Кроме того, образ Евгения в «Медном Всаднике» возник не без учета поэтом личности и судьбы самого Радищева. Это сближение было сделано еще в 1923 г. В. П. Семенниковым²⁹.

Создание Пушкиным «Медного Всадника» близко по времени к статьям его о Радищеве; поэма закончена 31 октября 1833 г., а в декабре того же года Пушкин приступил к работе над статьей «Путешествие из Москвы в Петербург». Позднее, в 1836 г., написана им статья «Александр Радищев». В. П. Семенников в своем исследовании о Радищеве указывает на близость образа Евгения в «Медном Всаднике» к тому, как изображал Радищева Пушкин в статье «Александр Радищев»: «Мелкий чиновник, человек без всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия». Пушкин называет книгу Радищева «действием сумасшедшего» и считает, что «может быть сам Радищев не понял всей важности своих безумных заблуждений»³⁰.

Сближение Евгения с Радищевым позволяет углубить понимание пушкинского образа. Близость заключается не только в изображении безумия Евгения и смелости «безумных заблуждений» Радищева. В фигуре рядового человека, чиновника Евгения, олицетворены народные массы, каждый человек, задавленный государственностью Петра, шире говоря, российским самодержавием. В протесте Евгения нашла свое отражение борьба и декабристов, и самого Пушкина.

²⁹ В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования, Пг., 1923., стр. 268—269.

³⁰ А. С. Пушкин. Соч. т. VII, стр. 354.

В статье Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург» содержится также пространное сопоставление Москвы с Петербургом: «Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки Москвы... Петр I не любил Москвы, где на каждом шагу встречал воспоминания мятежей и казней... Упадок Москвы есть неминуемое следствие возвышения Петербурга» и т. д. В «Медном Всаднике» этому соответствуют следующие строфы:

«И перед младшею столицей
Померкла старая Москва
Как перед новою царицей
Порфиносная вдова».

На пушкинскую оценку царствования Петра I оказало влияние «Письмо другу, жительствовавшему в Тобольске» А. Н. Радищева³¹, где дается описание открытия памятника Петру I в Петербурге. Следует обратить внимание даже на текстуальную близость описания памятника Петру I и характеристики царя у Пушкина и Радищева. Радищев дважды применяет к фальконетовской статуе эпитет «мощный»: «Статуя представляет мощного всадника... вид мужественный и мощный». Так же дважды Радищев говорит о памятнике: «десница простертая», «простертая рука»; среди деталей памятника он отметил: «узды простая». У Пушкина этому соответствует грандиозный образ медного всадника: «О мощный властелин судьбы» и т. д. Поэт, как и Радищев, говорит о памятнике: «Стоит с простертою рукою», «и озарен луною бледной, простерши руку в вышине».

Но большее значение, нежели эти отдельные сближения, имеет та критика Петра с революционных позиций, которая дана Радищевым в «Письме к другу...». Он признает положительное значение деятельности Петра, видит в нем «мужа необыкновенного, название великого заслужившего правильное. И хотя бы Петр не отличался различным учреждениями, к народной пользе относящимися, хотя бы он не был победитель Карла XII, то мог бы для того великим называться, что дал первый стремление столь обширной громаде». Радищев называет Петра «обновителем» и «просветителем» народа, в заслугу ему он ставит основание Петербурга и создание балтийского флота. Но, в отличие от Голикова и Корниловича, Радищев не ограничился похвалами Петру. Упрекая Петра в том, что он «победитель был прежде, нежели законодатель», Радищев называет его «властным самодержцем», который «истребил последние признаки дикой вольности своего отечества», указывая, что «мог бы Петр славнее быть, возносяся сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную»³².

Признавая, таким образом, заслуги Петра I, Радищев упрекает его в деспотизме, самодержавии и в уничтожении «частной» вольности. Под этим надо разуметь усиление крепостного права и насильственный характер реформ. В споре с Карамзиным Пушкин мог опираться на радищевскую оценку петровского времени.

Таким образом, противоречия в суждениях Пушкина о времени Петра I следует признать кажущимися. Они объясняются сложностью понимания Петра I, стремлением Пушкина передать многогранность этой эпохи.

От одного произведения к другому развивается и достигает вершины в «Медном Всаднике» сложная характеристика Петра I — преобразователя и создателя, победителя шведов и просветителя, даже революционера на троне (что, конечно, неправильно), с одной стороны, и само-

³¹ А. Н. Радищев. Избр. соч. со вступит. статьей Г. П. Макогоненко, М., 1949, стр. 766; Н. Л. Степанов. Пушкин и Радищев. В сб. «А. С. Пушкин 1799—1949. Материалы юбилейных торжеств», изд. АН СССР, М., 1951, стр. 138; А. С. Пушкин. Соч., т. VII, стр. 272.

³² А. Н. Радищев. Полное собр. соч., т. I, изд. АН СССР, М., 1938, стр. 150—151.

держца и деспота, виновника гибели ни в чем неповинных людей — боярышни Натальи Ржевской, Евгения и Параши, Кочубея и Искры, — с другой. Полемизируя с Мицкевичем, видевшим в Петре только деспота, отойдя от Карамзина, осуждавшего петровские преобразования, Пушкин близко стоит к революционной точке зрения Радищева на Петра I. Пушкинская сложная и глубокая трактовка эпохи петровских преобразований является его заслугой как поэта, историка и мыслителя.

